

О ПОЛЬЗЕ, БЕСПОЛЕЗНОСТИ, ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ И ВРЕДЕ ФИЛОСОФИИ ДЛЯ ЖИЗНИ

С.Д. Лобанов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Цель статьи заключается в анализе вопроса о пользе и вреде философии для жизни. Показывается, что этот вопрос был основным на протяжении всей её истории. Суть вопроса раскрывается через обращение к философии как источнику легкости существования, «народной философии», где все люди – философы. Здесь «польза» производна от «польга», «легко». Рассматриваются философские типы отношения к жизни. Ставится вопрос и философии как учительнице жизни. Польза философии заключается в её влияниях на образ мышления и жизни людей. Философия – это наука о началах, о том, что направляет, т.е. о власти или воле. В этой связи рассматривается вопрос об отношении философии и науки, например, анализируется утверждение С. Вайнберга о «непостижимой неэффективности философии». Формулируется «дилемма философа»: от философа тогда нет пользы, когда он объяснил события (явления), и они стали очевидными, и тогда, когда он не способен это сделать. Подчеркивается: в истории народов есть философские эпохи, это эпохи просвещения. Показывается, что эпоха Просвещения – это не прошлое, а настоящее истории, или современность. В этом заключается польза философии. Делается вывод: «Если философии нет, то все дозволено».

Ключевые слова: польза и вред философии, «народная философия», «рабочая философия», философские типы отношения к жизни, дилемма философа, «если философии нет, то все дозволено».

Вопрос о пользе в философии напрямую связывается с концепциями утилитаризма и прагматизма. Это важно, поскольку прагматизм – ведущее мировоззрение и философское направление современности. Однако в философии всегда существовали практические учения и разделы философских систем, в которых польза служила критерием оценки – посредством понятий истины, блага и красоты – философских взглядов и жизни в целом. Если признать, что свобода (освобождение), а также счастье (благая жизнь), есть одно из значений пользы, то следует, что во-

прос о пользе является основополагающим в истории философии. В определенном смысле философские концепции сами по себе суть решения вопроса о пользе. И то, каким образом понимается польза, служит основанием для ответа на вопросы: в чем польза? что такое философия? зачем нужна философия? есть ли польза и вред от философии для жизни? имеет ли философия право на существование?

Философия и легкость существования

Сенека в 108-м письме Луцилию отмечает близость философии и людей:

«Побыв рядом с философией, люди, даже не стараясь, непременно извлекут нечто полезное» [25, с. 271]. Однако замечание Сенек о том, что люди бывают не столько учениками философии, сколько жильцами, сидельцами в школе, т.е. не приобретают никакой пользы из философии, остаются далекими от философии. Это образует дилемму философского образования в самом широком смысле [см. там же], образования, или формирования (влияния на) людей.

В 106-м письме Сенека сетует, что философия загромождена ненужностями, учит для школы, а не для жизни [см. там же, с. 269]. Это, конечно, служит источником аргумента против философии, а именно «схоластики», или, более мягко, сведения философии к «диатрибической традиции», школьной философии, и более радикально – ненужности самой философии во внешкольной жизни.

Близкими к философии являются философы, для которых это их специальность, профессия и «философы» в широком значении, похожие на философов (можно даже употребить неказистое слово «философиды»), подобия философов, другие философы.

Прежде всего это дети-почемучки, открывающие мир и новых людей миру. Когда мальчик 5–6 лет спрашивает: «А где причина?» и на уточнение отца: «Причина чего?» молчит, эта ситуация сходна с тем, что ощущал Юра из рассказа «Цветок под ногою» Л. Андреева, живущий на границе между очарованием неизвестного мира и скукой известных вещей, где «город – миллион, но чего – неизвестно». Далее, это люди, руководствующиеся «здравым смыслом», способные отдавать отчет в том, что делать? как поступать? чего избегать и чему следовать? и т.д. Здесь вопрос о пользе и вреде философии для жизни может получить неожиданный ответ: жить вообще вредно. Философия – продукт житейского опыта, «житейская мудрость», однако все не есть результат прожитых лет.

«Народная философия» (аналог «народной психологии»), если следовать за

Антонио Грамши, определяется положением о том, что «все люди – философы». В жизни людей заключены *философемы*, философские по происхождению идеи, тесно вплетенные в сознание и поступки людей. Когда при встрече двух подружек-кондукторов общественного транспорта одна произносит фразу «все моё ношу с собой», то, конечно, можно допустить, что она когда-то посещала занятия по философии в вузе, или же где-то это слышала, но все-таки эта формула сохранилась от древнегреческой философии в современной России с ее повседневной жизнью. Люди, часто не осознавая того, «то жизни» являются оптимистами, пессимистами, стойками, скептиками, гедонистами, циниками, прагматиками, платониками, ницшеанцами и т.д. Принцип «лови момент, пользуйся настоящим» из античности трансформировался в «лови хайп» современности. «Афинская школа» Рафаэля вновь и вновь воплощается в поколениях людей.

Создает ли близость к философии пользу для жизни. «Польза»: «польга», «легко». Делает ли философия легкой жизнь? освобождает ли философия от тягот жизни? заблуждений жизни? страха смерти и т.д. Когда «легкость бытия» становится невыносимой? Не тогда ли, когда становится очевидной диалектика легкости существования, связанного с мимолетностью мгновения, и тяжестью, которой оборачивается эта легкость. Это легкость, достигнутая не избеганием трудностей, а их преодолением. Понимание этой диалектики говорит в пользу философии.

Прежде всего следовало бы использовать количественные (точные) подходы к оценке пользы или вреда философии для жизни. Для этого можно применить единицу измерения пользы – *утиль* (от лат. *utilis* – полезный) [об «утиле» см., например: 2, с. 212–214], например, равный одному рублю (доллару и т.д.), и оценить эффективность философии с этой точки зрения.

Это может быть источником своего рода «философометрии». Ответом на вопрос о пользе или вреде философии для

жизни может быть также опрос мнений, тиражи философских изданий, объем часов в учебных курсах философии и т.д. Это «утили» в значении голосов, экземпляров, зачетных единиц (з.е.), а также в том, сколько людей философия сделала счастливыми. Признание философии заключено и в объявлении в 2002 году Юнеско *Всемирного дня философии*.

Здесь необходимо обратить внимание на качественные особенности самой философии, т.е. ее виды и разделы. Это логика, философия политики, философия права и т.д. Возможно, наиболее доходным окажется «философия бизнеса», где лекции «Аристотель как топ-менеджер «Газпрома»» или “General Electric” (“Motors”)» гарантирован высокий уровень в «утилях», а также разработка и продвижение *философии фирмы* – её системы ценностей.

Качественный подход к вопросу о пользе философии связан с отрицательной формой вопроса, а именно: не занимается ли философия бесполезным делом, обращена к ненужным в жизни вещам? На этот вопрос хорошо отвечает диалог Платона «Соперники». Здесь разбирается распространённая и сегодня посылка о том, что философия – это синтез, обобщение многих видов деятельности, где философ – это многоборец, который не доводит дела до совершенства, поэтому всегда второй в присутствии мастера и потому бесполезный для дела. Платон показывает пользу философа в его способности суждения, т.е. управлении и рассудительности. Философ – это менеджер по преимуществу! В «Государстве» философы в силу способности усматривать существующего самого по себе, а это прежде всего идея *блага*, достойны управления совершенным государством, более того, служат условием совершенства государства. Много веков позднее Боэций так описал образ Философии: «В правой руке она держала книги, в левой – скипетр» [3, с. 191].

В письме М. Лангу (от 30 мая 1928 г.) Хайдеггер верно заметил: «Философствовать в конце концов и значит не что иное, как быть изначальным (Anfänger)» [19, 24].

Философия обращается к первому, началам, основаниям, порядкам, принципам, т.е. тому, что начинает, определяет, понимает («конципирует», *concipere*), а именно: управляющему, начальствующему и властвующему. Способность начать заново – значит мыслить, например, определять возможность целеполагания.

Кант разделяет два понятия философии: *школьное* (систематическое единство научного знания и его логическое совершенство) и *мировое* («философия есть наука об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума»), в которой философ есть не виртуоз разума, а законодатель человеческого разума [13, с. 684]. Другими словами, по Канту, философия переходит границы познания и обращается к целям, которые направляют поведение и жизнь людей. Девиз Фрэнсиса Бэкона «Знание – сила (мощь, власть)» служит принципом, лежащим в основе современности. В самом деле, объясняя мир, философия изменяет, делает его совершенным?

Здесь можно принять выделение А. Макинтайром при критике концепции полезности трех центральных характеров современности [17, с. 104 и сл.] и обозначить три типа философов:

- 1) эстет, живет наслаждениями и в наслаждение;
- 2) менеджер, занимается организацией внешнего мира, бюрократический эксперт;
- 3) терапевт, обращен к личной, внутренней жизни.

К этому списку необходимо добавить четвертый тип: способ жизни – *исследователь*, т.е. обращенный к поиску, обнаружению неизвестного. Это ученый, технолог, детектив, коллекционер, пользователь компьютера, искатель приключений и т.д.

Если для Макинтайра эти характеры имеют отрицательное значение, поскольку их действия сопряжены с моральными фикциями (самолюбование эстета-циника, опасность быть обманутым терапевта, противоречие между эффективностью и моральными целями менеджера), а исследователь, вдобавок, может быть в поиске несусу-

ществующего, то по отношению к философии эти характеры выражают современные типы философов. Это можно пояснить так.

Ключевым вопросом в проблеме о пользе и вреде философии является вопрос: следует ли ожидать от философии такую же пользу, какую приносят другие виды деятельности: военное дело, строительство, металлургия, горное дело, спорт и т.д.? или речь идет о пользе вообще, т.е. абстрактной пользе?

Очевидно, что необходимо учитывать не только специфику философии, но и основные типы (характеры) современности. Философия удовлетворяет эстетическому вкусу, т.к. касается проблемы восприятия в целом, через мировоззрение влияет на организацию жизни, проблему самосознания – личную жизнь, исследование – открытие нового, неизвестного. Следуя мотиву Макинтайра, *после философии* в жизни что-то меняется. Вопрос, что именно? Что нового философия может найти в современном мире? И не создает ли она фикции? Однако, если принять во внимание то, что Ганс Файхингер назвал человека «существом, создающим полезные фикции», то возникает ситуация ухода в бесконечность: какие фикции являются полезными? Здесь философия может попасть в «ловушку ахинеи», если верна этимология слова «ахинея» – «вздор», «бессмыслица», – производная от греч. Αθήνα – богиня мудрости Афина, покровительница мудрости и столица Греции и древних греческих философов классического периода. Отсюда негативный смысл: «заниматься философией – значит нести ахинею». Последнее есть очевидный вред для того, кто стремится жить достойно.

Философия создает мир идей, отличный от действительности. Это мир, в котором люди спасаются от невзгод, по сути, живут им. Это мир общих, отвлеченных вещей вообще, вечных, нетленных, постоянных, выставленный в виде щита против конечности существования. Философский язык может вызывать как оскомину в силу своей абстрактности, так и очарование, сравнимое

с мистическим трепетом, когда в философских терминах бьется нерв жизни. Философию можно сравнить с физикой деления ядра атома: философы расщепляют слово, освобождая его энергию.

Мерилом пользы или вреда служит ее воплощение, опредмечивание, объективация, реификация, материализация, или более актуально – визуализация. Например, только на первый взгляд покажется удивительным, что философ-рационалист Декарт в 1648 году участвовал в балете «Рождение мира» при дворе Христины Шведской. «Воля к жизни» А. Шопенгауэра породила цепочку подражаний в виде «воли к власти» Ницше, «воли к социализму» К. Каутского и т.д. «Воля» стала символом, обозначающим определяющие тенденции той или иной эпохи. Например, допустимо ли говорить о «воле к цифровизации»?

Осуществление философией задачи по освобождению жизни от тягот существования происходит через то, насколько философия способна быть учительницей жизни, точнее – учением вообще. Чему и кого учит философия?

Философия – учитель жизни

Философия в виде власти – это влияние философов на людей. Например, влияние Аристотеля на А. Македонского, Вольтера – на Екатерину II, Фейербаха – на Р. Вагнера, Руссо, Канта и Шопенгауэра – на Л.Н. Толстого, Ницше – на Горького, В.С. Соловьева – на А. Блока, Гегеля – на Маркса, А. Бергсона – на М. Пруста, Р. Эйгена – на М.В. Безобразову и свое время в целом, Н.Ф. Федорова – на К.Э. Циолковского, стоиков – на Ж. Делёза и т.д.

Есть философские эпохи – эпохи Просвещения, источник формирования для каждой нации. В эпоху Просвещения также возникает тема конца, завершения философии. Шеллинг назвал Канта последним философом, А.Руге – систему Гегеля последней философией, поскольку в ней философия перестала быть только мыслью и стала действием. Это осознал и

сам Гегель, когда в «Философии права» отмечал: «Что же касается *поучения*, каким должен быть мир..., для этого философия всегда приходит слишком поздно. В качестве *мысли* о мире она появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения. То, чему учит понятие, необходимо показывает и история, – что лишь в пору зрелости действительности идеальное выступает наряду с реальным и строит для себя в образе интеллектуального царства тот же мир, постигнутый в своей субстанции. Когда философия начинает рисовать серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [6, с. 56]. Далее Гегель поясняет, что философия стала рисовать своей серой краской по серому, когда произошло разделение (разрыв) духа, мысли, истины и действительности, и философия есть лишь его знак этого разрыва [см. там же, с. 384].

Это положение философии, по замечанию Р. Рорти, автора «Лингвистического поворота», послужило переходу от философской к литературной культуре: «Со времен Гегеля интеллектуалы все больше и больше теряли веру в философию... В литературной культуре, которая постепенно формировалась на протяжении последних двухсот лет, вопрос «Истинно ли это?» уступил свое почетное место вопросу «Что нового?»» [23, с. 33].

Вопрос «Что нового?», так часто встречающийся в повседневной жизни, связан с событием и явлением модерна, соединяющем в себе современность и новизну. Развитие модерна происходило от позиции Декарта «Мыслю, следовательно, существую» к положению постмодернистов, ситуацию которых можно выразить так: «Ускользаю, следовательно, существую». Здесь субъект всегда другой, или новый. Это переход от субъекта, исходящего от чистого мышления, к децентрированному субъекту,

избегающему ловушек тотальности, прежде всего в виде разного рода структур, например языка. Это в некоторой степени совпадает с «законом интеллектуальной эволюции человечества» Канта: от теологической стадии через метафизическую к позитивной. Философия отстает от развития жизни, имеет историческое, пропедевтическое значение.

«Философия по преимуществу» связана с эпохой, когда философия определяет рациональные основания устройства мира, общества и человека. Однако есть времена, в которых философия добровольно или нет становится служанкой, подчиненной тому или иному явлению. Она принимает формы служанки богословия, идеологии, философии рефлексии (самосознания), практики и т.д. Служит – значит, приносит пользу. Здесь философия прежде всего метод (способ) оправдания, обоснования, объяснения, анализа, т.е. служит в той или иной мере раскрытию значения явлений, воздействию истины на людей. М. Фуко эксплицировал важнейший для всей, в особенности современной, философии вопрос: *Каким образом истина действует на человека?* в виде вопроса «Что заставляет нас полагать, что истина существует?.. В современную эпоху истина уже не в состоянии более служить спасением субъекту... Субъект воздействует на истину, однако истина не воздействует больше на субъект» [27, с. 286, 288].

Отсюда другой способ власти философии – это собственно «философское отношение к жизни», или самообладание, автаркия. В этом случае философия учит необходимости различать то, что от людей не зависит (внешний, чужой мир) и то, что от людей зависит (свой мир, разум и воля). Это поразительный пример влияния философии на людей. Философия в этом случае не только способ мышления, но и образ жизни, т.е. мудрость. М. Фуко прекрасно показал в лекциях «Герменевтика субъекта» (или «Забота о себе») по-настоящему философские эпохи древней Греции и Рима.

Такая философия учит благоразумию и

называется *философией здравого смысла*. Здравомыслящий человек – это, по Сенеке, человек, причастный мудрости – *conspiciens* [26, с. 82]. Такой подход к жизни можно выразить, по крайней мере, в трех позициях.

1. Мир, включая людей, изменить (к лучшему) невозможно, а себя – да, поэтому успех в жизни заключается в самосовершенствовании.

2. Прежде чем пытаться изменять мир, необходимо начать с себя; власть над собой – условие влияния на мир и людей.

3. В этом случае хорошо подходит молитва Билли из романа Курта Воннегута «Бойня номер пять»: «Господи, дай мне душевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, мужество – изменить то, что могу, и мудрость – всегда отличать одно от другого».

Все это вполне актуально, и принцип *в любых обстоятельствах быть самим собой* служит правилом достойной жизни. В этой связи можно перефразировать А. Уайтхеда: западноевропейская философия есть серия примечаний к античной философии.

Необходимо согласиться с У. Эко, что в каждую историческую эпоху были свой модерн (движения обновления) и свой постмодерн (реакция на него). Это, несомненно, кризисные эпохи, и философия служила людям в качестве средства выживания в ситуации кризиса, когда вопрос «быть или не быть» ставила сама жизнь.

Достаточно емким является «четвероякое лекарство» эпикурейской школы:

*«Не должно бояться богов,
Не должно бояться смерти,
Благо легко достижимо,
Зло легко переносимо»*

[Цит. по: 1, с. 137]

В современную эпоху Р. Рорти предлагает «искупительную истину» в качестве завершения размышлений о том, «что нам, людям, можно и должно делать с нами самими?» [23, с. 30, 33]. Это поиски «некогнитивных» отношений между людьми, возможных через человеческое воображе-

ние, или литературную культуру, которая, по Р. Рорти, есть продолжение Просвещения другими, лучшими методами [23, с. 41]. Религия и философия сводили жизнь к единому началу, а литература обращается к созданию автономной личности, цель которой – быть самим собой. В современных условиях религия и философия стали видом литературы. В некотором смысле Рорти прав, т.к. философия скорее есть вид научной литературы, чем наука, обрабатывает научные достижения, но вопрос о непосредственном применении философии в современных научных исследованиях имеет дискуссионный характер. Например, Стивен Вайнберг указывает на «удивительное явление – *непостижимую неэффективность философии*» [4, с. 133]. По его мнению, «философские принципы, вообще говоря, не обеспечивают нас правильными предубеждениями» [там же, с. 131]. С одной стороны, эту оценку можно объяснить разочарованием С. Вайнберга после увлечения философией в студенческие годы. Но, учитывая хорошее знание философских концепций, можно сказать, что попытки найти в философии основание для своих убеждений, полезное руководство для своей работы Вайнберг предпринимал и в зрелые годы.

Противоположного мнения придерживался Вернер Гейзенберг: «Современная физика идет по тому же пути, по которому шли Платон и пифагорейцы» [7, с. 37].

Следует подчеркнуть, что С. Вайнберг не отрицает необходимости философии. Он констатирует ее *непродуктивность*. С. Вайнберг показывает и некоторое решение вопроса о пользе (продуктивности философии, прежде всего «философии науки») – это понятие «*рабочей философии*»: «у каждого физика есть какая-то рабочая философия» [там же, с. 132]. С этим, можно допустить, согласился бы и Гейзенберг, а также другие ученые. Другими словами, философия есть метод, которым так или иначе *пользуются* люди в своих действиях.

Итак, в этом случае вопрос о пользе философии решается так: философия полезна тогда, когда работает, беспо-

лезна – когда не работает, вредна – вводит в заблуждение.

Понимание философии как метода (пути, Дао) является весьма распространенным. Однако здесь возникает проблема верификации философских положений. Сохраняет свое значение предупреждение Канта: «В метафизике можно нести всякий вздор, не опасаясь быть уличенным во лжи. Если только не противоречить самому себе...» [15, с. 162]. Проблема *верификации* – один из источников вопроса о пользе или вреде философии.

Влияние философии делится на два вида: с признанием или без признания. Без признания: без оценки, просто знания об этом, осознания. Одним из примеров служит допустимость употребления слова «бытие» (если угодно – «экзистенция») в быту и повседневной жизни в целом, где бытие (философия) и быт (жизнь) не встречаются, разве только в поэзии или событиях, которые ближе к религиозным переживаниям, имеющим скорее экстремальный характер.

Философия – это часть чего-то большего, чем размышления философа. Это часть мировоззрения и культуры. Культура – «почва», на которой всходят и живут философские идеи и мировоззрение в целом. Это то общее, что собирает (подобно Логосу) людей в народы, нации и т.д. Философия воплощает мировоззрение и становится учительницей жизни. Это хорошо выразил О. Шпенглер: «Подлинный русский – это ученик Достоевского, хотя он его и не читал, хотя – и также потому что – читать не умеет. Он сам – часть Достоевского» [29, с. 201].

В основе философии находится разделение «сущего» и «должного», т.е. философия есть форма нормативного сознания. Из этого следует критическое отношение философии к жизни. Однако критика далеко не сводится к тому, что П. Рикёр назвал «философией подозрения», к которой отнес Маркса, Ницше и Фрейд, «мыслителей, срывающих маски». Критическая философия в этом случае, с одной стороны, означает свободу

мышления, а с другой – становится источником недоверия человека миру, людям и самому себе. Это создает условия для развития нигилизма и цинизма.

В общем, это отношение имеет несколько видов.

1. *Путь различения.* Какая польза от философии, если Сократ, признанный образец философа, утверждает, что ничего не знает? Однако Сократ помогает рождению истины, или умению различать истину и ложь посредством суждения. Дж. Ст. Милль через более чем две тысячи лет повторит позицию Сократа: философия, или логика, по Миллю, не дает специалисту знание о его предмете, например, механику – знание о распределении напряжения в конструкции, а способствует правильному суждению о своем деле.

2. *Путь суждения.* В «суждении» звучит «суд», т.е. судить о положении вещей и дел, представлять перед судом разума. Суждение – это вынесение решения и оценки (предикат) о событии или явлении (субъект). В суждении собираются в одно высказывание логическая истина, волевое начало и эстетический вкус. И сейчас может принести пользу сентенция Сенеки: «Достаточно быть даже не мудрецом, а мало-мальски здравомыслящим человеком, который мог бы сказать себе так: «По заслугам меня оскорбили или нет? Если по заслугам, то это не оскорбление, а справедливое суждение, если не по заслугам, то пусть краснеет тот, кто совершил несправедливость»» [26, с. 82].

3. *Путь возможного.* Философия доводит действительное до его предела (иногда до абсурда), о-предел-яет его через идеальное, т.е. то, что есть, но иным образом – в виде возможности. Возможность связана с действием моральным или физическим, и вопрос Канта «Что я могу знать?» имеет оба эти значения, если допустить, что знание имеет и моральные ограничения. Возможное имеет также значение априорного, чистого, вечного порядка.

4. *Путь высшего.* Высшее имеет значения самого сложного, это – само по себе предельное, совершенное, идеал, превосходящее действительное.

Однако путь различения ведет к «умножению сущностей» и необходимости «Бритвы Оккама; путь суждения – к софистике в том или ином виде; путь возможного – к тому, что философия остается в положении лишь предварительной стадии, введения, пропедевтики других видов исследования; путь высшего – к очарованию идеалом и утопии. Рационализм так или иначе присущ всем философским концепциям, т.к. необходимо объяснять основание концепций, или почему за исходное принимается, например, опыт в эмпиризме, индивидуальное существование в экзистенциализме, успех действия в прагматизме, язык в аналитической философии и т.д. В то же время рациональность оборачивается выхолащиванием разума, сведения его к уму-вычислителю, «инструментальному разуму». Прав Гегель в утверждении «все действительное разумно»; прав и Зиммель, полагая: «все действительное индивидуально», если учитывается мера, или необходимость разумности, индивидуальности и т.д.

В этих случаях философия работает на пользу деятельности, в которой она применяется, например, в политической дискуссии или теоретическом обсуждении глобальных проблем современности.

О различии философии и жизни

Определение пользы или вреда философии для жизни предполагает отношение между ними, т.е. середину, в котором дано третье – неисключенное третье. Почему «неисключенное» – потому что по своей природе проблематично: где-то лишь возможно, где-то лишь случайно, не дано сразу и определено. Это отношение характеризуется, например, различиями «больше/меньше», «выше/ниже», «первое/второе».

а) философия и жизнь: что больше или меньше

Жизнь – это единство, или цикл, дискретности организмов, форм (где есть начала и концы) и непрерывности процесса существования, переходов одного

вида жизни в другой (где нет начала и конца). В этом процессе возникают новые формы жизни, например культура, или форма «более-чем-жизнь». Здесь философия есть форма жизни, которая больше жизни, если она вносит смысл в саму жизнь. Тогда от философии есть толк, который становится очевидным при понимании перехода от жизненного роста через зрелость к упадку и завершению. Подвержена ли современность этому закону жизни, т.е. подчиняется ли она естественному процессу? Философия «меньше жизни», если смысл жизни остается для нее загадкой.

В отечественной философской традиции, философия обращается к цельности: цельной жизни, цельному познанию, цельному человеку и т.д. Целое – то, что больше, чем части, цельное – это живое, духовное единство. Цельное познается мышлением в образах, интуицией, преодолевающей раскол между чувствами и разумом. Цельность есть источник не-утилитарной пользы для людей, критерий истины и условие существования смысла. Цельность имеет свое другое значение – тотальность (*totum*). Здесь часть имеет смысл только в связи с целым, например – организацией природной или социальной разного масштаба, микро- и макромира. Ответ на вопрос о пользе философии зависит от того, повышению или понижению чувства жизни она служит, тоталитаризму или процессу освобождения жизни.

Человек существо конечное, но способное переходить к бесконечности. Философия – это поиск ответа на вопрос: в чем смысл бесконечности? В этом несомненная притягательность философии, оставляющая вопрос о ее пользе открытым. Здесь «неисключенным третьим» является *смысл*.

Есть некоторая истина в скептическом «не более это, чем то», или поиск равновесия между жизнью и философией. Жизнь сама по себе есть философия, т.к. состоит из испытаний, требующих решений, которые и становятся источником

профилософских размышлений.

б) *философия и жизнь: что ниже или выше*

Жизнь есть развитие, порождающее иерархию, высшие и низшие формы, имеющие ценностную природу. Одним из примеров такого подхода может служить концепция Г. Зиммеля, который рассматривает проблему судьбы, подлинной, по его мнению, определенности человека, при предпосылке отсутствия судьбы у Бога и лишения ее у животного. Быть ниже судьбы – значит быть захваченным потоком происходящих событий без понимания их смысла. Быть выше судьбы – значит быть свободным в своих действиях и поступках, открывать себе сферу смысла.

Жизнь – это судьба, или предназначение, определяемое степенью взаимодействия мощи природных сил и мощи человеческих возможностей. Это взаимодействие создает творчество и гениев, равных по способностям самой природе, являющих собой нечто высшее, сверхчеловеческое, совершенное.

Философия – это идеи, созданные философским гением. История философии богата гениальными открытиями. Язык философии может быть сухим, формальным, но есть и концепции, язык которых служит образцом творчества. П. Козловски считает, что концепции Платона – «универсальная поэзия» романтизма, Хайдеггера и Эрнста Юнгера к *поэзофилософии* (к этому списку необходимо добавить Силезиуса и Ницше). Философию Гегеля Козловски относит к «сочиняющей» логические фикции для достижения сферы абсолютного [16].

Философия – это не только творчество, но и дисциплина, определяющая границы познания, понятий, явлений, событий, свободы и т.д., т.е. «строгая наука». То, что Кант отнес к философии чистого разума можно отнести и ко всей философии: «величайшая и, быть может, единственная польза всякой философии чистого разума только негативна: эта философия служит не органом для расширения, а дисциплиной для определения границ, и

вместо того чтобы открывать истину, у нее скромная заслуга: она предохраняет от заблуждений» [13, с. 655]. «Положительная» польза от философии чистого разума, по Канту, заключается в практическом применении разума, точнее – его форм, его *каноне*, т.е. является сферой свободы, связанной с вопросом «*Что я должен делать?*». Здесь «неисключенным третьим» являются *ценности*.

в) *философия и жизнь: что первое или второе*

В этом случае за отправное следует принять формулу И.А. Ильина: «Философия больше чем жизнь: она есть завершение жизни, а жизнь первее философии: она есть её источник и предмет» [11, с. 45].

Есть некая правота в утверждении, что у философии нет своего предмета. Но дело не столько в том, что философия, подобно королю Лиру, раздала свое имущество своим дочерям, другим наукам, сколько в том, что философия обращена к трансцендентному, выходящему за рамки предметного знания. Одним из примеров этого (другой – метафора «духа времени», *Zeitgeist*, и т.д.) служит мгновение жизни, времени, движения, ускользающее от понимания. Непостижимым остается и переход от одного мгновения к другому. Разум (философия) стремится постичь мгновение и его переход так, что мгновение переходит к своему пределу – концепту, понятию или категории, называемым традиционно трансценденталиями. Философия как бы осуществляет движение, течение времени и процесс жизни, о-предел-яет их. Такие понятия заменяют реальные явления и процессы символами, обладающими бесконечным содержанием.

Польза философии в способности создавать символы, собирающие в себе идеи и в платоновском, и в новоевропейском значении. Например, по замечанию П. Рикёра, термин *Vorstellung* («представление») «Критики чистого разума» Канта становится символом изменения в способе мышления, т.е. революции в философии [см. 22, с. 57–58], а критика кантовского понимания

представления послужило символом философии XX века, а также некоторых направлений в искусстве. Эти символы, какими бы предельными они ни были – часть древа жизни, производны от него.

Дилемма философских понятий следует из их природы, а именно: их предельная общность, абстрактность (отвлеченность от жизни) граничит с пустотой, исчезающим содержанием. Это ситуация, когда возникает проблема референта (референции) философских терминов, неосуществимость перехода к общему и опасность замены реальных объектов их подобиями. К чему относятся философские слова? что им соответствует в жизни? не являются ли они лишь подобием, симулякротом подлинных вещей и событий? Здесь один из основных источников неприятия философии и вреда от нее. На это, например, обратил внимание К.Маркс в «Нищете философии».

Формула «сначала жить, а затем философствовать» (*primum vivere, dein de philosophari*) не отменяет философию. После жизни философия невозможна, как и жизнь после философии. Философия и жизнь конгениальны по своей природе.

Такое «неисключенное третье» дано в виде *символа (знака)*, или *идеи*.

В качестве суммирующего положения необходимо привести легендарные слова Канта, в которых показаны приведенные три различия жизни и философии. (По всей видимости, Г. Зиммель использовал их в своей концепции *выше/ниже судьбы*):

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*. ...Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами и системами систем, в безграничном времени их периодического движения, их начала и продолжительности. Второй начинается с моего невидимого Я, с моей лично-

сти, и представляет меня в мире, который поистине бесконечен, но который ощущается только рассудком и с которым (а через него и со всеми видимыми мирами) я познаю себя не только в случайной связи, как там, а во всеобщей и необходимой связи. Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как *животной твари*, которая снова должна отдать планете (только точке во вселенной) ту материю, из которой она возникла, после того как эта материя короткое время неизвестно каким образом была наделена жизненной силой. Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира, по крайней мере поскольку это можно видеть из целесообразного назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами моей жизни» [15, с. 499–500].

О дилемме философа

Карл Гемпель сформулировал «дилемму теоретика», которую можно истолковать так: «Если теоретические понятия хорошо объясняют реальные явления и события, то их легко и удобно заменить формулой-законом в терминах наблюдений или чувственного опыта, которая (формула) позволит делать точные вычисления. Следовательно, эти (теоретические) понятия не нужны. Если же теоретические понятия не объясняют (или плохо это делают) реальные явления и события, то они тем более не нужны» [см.: 8, с. 164].

Разрешение этого парадокса (дилеммы) Гемпель полагает в несводимости теоретических понятий к эмпирическим положениям-законам и их непереводаемости на язык наблюдений.

Допустимы «дилемма физика-теоретика», «дилемма биолога-теоретика», «дилемма математика и т.д. Очевидно, что математика не сводится к только эм-

пирическим вычислениям. Еще больше оснований для *дилеммы философии (философа)*. Если философские положения достаточно очевидны и прозрачны при объяснении или обосновании реальных событий и явлений, т.е. делают их ясными, само собой понятными, то после объяснения или обоснования оказываются ненужными инструментами познания, посредниками между людьми и миром. Если философские положения не таковы, они признаются бесполезными. В том и другом тезисе закрепляется негативное отношение к философии.

Эта дилемма разрешается в пользу философии: во-первых, все-таки признанием полезности философии в качестве метода исследования, временного средства для достижения цели (образ лестницы, отбрасываемой после подъема на высоту), и, во-вторых, к философии относятся недоказанные, принимаемые интуитивно, на основе созерцания и эстетических критериев, положения-аксиомы («аксиос» – «ценный», «достойный»); этому соответствует образ *древа познания*, где корни – это метафизика или философия.

При рассмотрении второго тезиса допустимо применить *философский вариант тезиса Дюгема-Куайна*: если философские положения в достаточной мере не объясняют явления или события, то это может означать, что не все их возможности рассмотрены, не выявлены другие или новые философские положения, которые применяются без учета их взаимной связи. Другими словами, всегда необходимо иметь в виду корневой характер (корневую систему) философии.

Дилемма философа имеет и другой вариант. Философия стремится быть наукой, объективно-ориентированным знанием, нейтральным по отношению к ценностям, т.е. *быть истинной по преимуществу*. С другой стороны, философия стремится отражать интересы людей, быть субъект-ориентированной деятельностью, т.е. *быть полезной по преимуществу*.

Примерами решения этой дилеммы служат структурализм с присущим ему объек-

тивизмом (например, темой «смерти автора») и герменевтика, с характерной для нее субъективностью (например, принципом конгенности автора и читателя).

Заключение

Очевидно, что вопрос о пользе или вреде философии для жизни не решается расстегиванием «метафизического пальто», аналога «пальто министра», расстегивание которого обнаруживает Орден Мудрости за былые заслуги [см. 6, с. 390].

Философия собирает, как семена, категории и понятия жизни и обрабатывает их как светоносные алмазы. Если семена и алмазы дают новую жизнь и новый свет, то польза от философии очевидна. Если семена засыхают, а алмазы мутнеют, то вред от философии налицо.

Философия оказывает влияние не только на мышление людей, но и на их уклад жизни. Вопрос «кто мыслит абстрактно?» необходимо дополнить вопросом «кто существует абстрактно?», т.е. односторонне, без убеждений, идентификации себя по мировоззрению – без философии.

Философия требует для себя времени – досуга. Однако время философии, «философский век» связан с эпохой просвещения, которая современна не только посредством исторической традиции, связи времен, но существует в качестве философского дела. Знаменитая характеристика Канта: «*Просвещение – это выход человека из состояния несовременности*, в котором он находится по собственной вине. *Несовременность* есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. *Несовременность* по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решительности и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* – таков, следовательно, девиз Просвещения» [14, с. 27], – имеет дополнение: «Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный* век,

то ответ будет: нет, но мы живем в век *просвещения*» [там же, с. 33]. Другими словами, проект (программа, парадигма) просвещения – и здесь следует согласиться с Юргеном Хабермасом – не завершен. «Использование» человеком своего собственного ума – философская проблема, постановка, осмысление и решение которой показывает, в какой мере философия полезна, бесполезна, привлекательна или вредна для жизни.

Вопрос о пользе философии рассматривается через понятие *функции философии*. Обычно выделяются мировоззренческая, методологическая, прогностическая и т.д. функции. Однако все они сводятся к одной – функции просвещения, продолжения традиции философского века в современности.

Конечно, вопрос о пользе философии всегда был одним из важнейших в истории философии. Можно даже предложить

такую формулу: Философия есть функция от понимания пользы: $\text{Philosophia} = f(\text{utilitas})$. В то же время возникает и остается открытым вопрос: является ли польза высшей ценностью? каким образом соотносить пользу и истину?

В работах Ницше встречается заковычанная фраза: «Нет истины! Все позволено!» [см., напр.: 20, с. 399]. Возможно, что это парафраз формулы Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено». Философия не обладает монополией на истину. Однако философия есть область обоснования перехода от мышления к бытию, идеи к действительности, субъективного к объективному. В этом отношении философия собирает в себе необходимые условия понимания истины, или так: условия истинности и достоверности. Тогда польза или вред от философии зависит от строгости и точности определения этих условий: «Когда философии нет, то все дозволено».

Библиографический список

1. *Адо П.* Что такое античная философия? / пер. с фр. *В.П. Гайдамака*. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.
2. *Берка К.* Измерения. Понятия, теории, проблемы / пер. *К.Н. Иванова*. – М.: Прогресс, 1987. – 320 с.
3. *Бозций.* «Утешение Философией» и другие трактаты / пер. *В.И. Уколовой, М.Н. Цейтлина*. – М.: Наука, 1990. – 414 с.
4. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы / пер. *А.В. Беркова*. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. *Гегель.* Кто мыслит абстрактно? // Гегель. Работы разных лет / *общ.ред.* А.В. Гулыги; пер. с нем. *Э.В. Ильенкова*. – М.: Мысль, 1972. – С. 387–394. (668 с.)
6. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. / пер. *Б. Столпнера, М.И. Левиной*. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
7. *Гейзенберг В.* Физика и философия // Физика и философия. Часть и целое / пер. *И.А. Акчурина, Э.П. Андреева*. – М.: Наука, 1990. – 400 с.
8. *Гемпель К.Г.* Дилемма теоретика: исследование логики построения теории // Гемпель К.Г. Логика объяснения / пер. *О.А. Назаровой*. – М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998.
9. *Грамиш А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч.1 / пер. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
10. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. *С.Н. Зенкина*. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
11. *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии (Три речи) // *Ильин И.А.* Соч.: в 2 т. Т.2. Религиозная философия. – М.: Моск. философский фонд; Медиум, 1994. – С. 7–92.
12. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Соч. в 6 т. – Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 311–501.
13. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. в 6 т. Т.3. – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
14. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? / пер. *Ц.Г. Арзаканьяна* // Кант И. Соч. в 6 т. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 25–35.
15. *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Соч. в 6 т. Т.4, ч.1. – М.: Мысль, 1965. – С. 67–210.
16. *Козловски П.* Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме / пер. с нем. *П.П. Гайдено* // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 37–52.
17. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. *В.В. Целищева*. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.

18. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 55 т.Т.4. – М., 1955. – С. 65–185.
19. Мотрошилова Н.В. Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М.: Наука, 1991. – 253 с.
20. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883–1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста) /пер. с нем. – М.: Культурная революция, 2016. – 824 с.
21. Платон. Соперники // Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
22. Рикёр П. Путь признания. Три очерка / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 268 с.
23. Рорти Р. От религии через философию к литературе: пути западных интеллектуалов / пер. с англ. С.Д. Серебряного // Вопр. философии. – 2003. – № 3. – С. 30–41.
24. Сафрански Р. Философствовать – значит мочь начать. Хайдеггер как начинающий / пер. с нем. К.В. Бандуровского // Вопр. философии. – 1997. – № 4. – С. 97–108.
25. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию / пер. С.А. Ошерова. – М.: Наука, 1977. – 383 с.
26. Сенека Л.А. О стойкости мудреца, или О том, что мудреца нельзя ни обидеть, ни оскорбить // Сенека Л.А. Философские трактаты / пер. Т.Ю. Бородай. – СПб.: Алетейя, 2000. – 400 с.
27. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки // Социо-логос /пер. с фр. И.И. Звонаревой. – М.: Прогресс, 1991. – С. 284–311.
28. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
29. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998.

ON USEFULNESS, USELESSNESS, ATTRACTIVENESS AND HARM

S.D. Lobanov

Perm Federal Research Center UB RAS

The purpose of the article is to analyze the question of usefulness and harm of philosophy for life. It is shown that it has always been a major issue. The core of the matter is revealed if we refer to philosophy as a source of ease of existence, «people's philosophy», where all people are philosophers. Here «use» is derived from «poljga», which means «ease». Philosophical types of attitude to life are considered. Philosophy is also regarded as a teacher of life. The benefit of philosophy lies in its effects on the way people think and live. Philosophy is the science of principles, of power or will. In this connection the relation of philosophy and science is considered; for example, S. Weinberg's statement about «incomprehensible inefficiency of philosophy» is analyzed. The «philosopher's dilemma» is formulated: a philosopher is of no use when he has explained events (phenomena), and they have become obvious, and when he is unable to do so. It is emphasized that in the history of peoples there are philosophical epochs, which are the epochs of enlightenment. It is shown that the era of enlightenment is not the past, but the present of history, or contemporaneity. Here is the usefulness of philosophy. The conclusion is: «if there is no philosophy, then everything is allowed».

Keywords: usefulness and harm of philosophy, «national philosophy», «working philosophy», philosophical types of attitude to life, philosopher's dilemma, «if there is no philosophy, then everything is allowed».

Сведения об авторе

Лобанов Сергей Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, преподаватель кафедры иностранных языков и философии, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН), 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: sdl-grey54@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 05.11.2020 г.